

На правах рукописи

003474475

Солнцев Николай Игоревич

**ТРУДЫ РУССКИХ ИСТОРИКОВ ЦЕРКВИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVIII–XIX ВЕКОВ**

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

0 9 ИЮЛ 2009

Нижний Новгород – 2009

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Цамутали Алексей Николаевич;

доктор философских наук, профессор
Пушкин Сергей Николаевич;

доктор исторических наук, профессор
Бердинских Виктор Аркадьевич,

Ведущая организация:

Институт всеобщей истории РАН

Защита состоится 26 июня 2009 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.162.06 при ГОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65, корпус 5, аудитория 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет».

Автореферат разослан *25* мая 2009 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Г.В.Серебрянская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Разделить историю России и историю русской православной церкви практически невозможно. На протяжении ряда столетий церковь определяла идеологию общества, а следовательно – политические, социальные и культурные формы самосознания русского человека. В разные исторические эпохи, в критические для истории России моменты позиция, занимаемая церковью, во многом определяла ход исторических событий, влияла на принятие решений, формировавших облик России. Этот исторический путь, пройденный русской православной церковью, не мог не найти отражение и осмысление в исторических сочинениях церковных историков, комплекс которых занимает заслуженное место в русской историографии, но, к сожалению, мало изучен.

С момента своего возникновения христианство смело обращается к истории, опираясь на свидетельства веры в определенные события, произошедшие в прошлом. Истинность христианского учения всегда ставилась в зависимость, обосновывалась подлинностью и историчностью событий из жизни Христа. Решающая роль исторического предания в христианстве вообще и в православии в частности неоднократно отмечалась исследователями. Без исторического обоснования, без фактического подтверждения высшего начала в земной жизни христианство было бы лишь религиозно-философской доктриной. От основ догматики до иерархии и канонического устройства христианская религия и церковь создается на фундаменте традиции, основанной на историческом факте. Можно сказать, что корни современной исторической науки лежат в христианской апологетике, которая связала разрозненные исторические представления древности единой христианской хронологией. В силу этого факта церковная история становится одним из краеугольных камней богословия. Особенно ярко это проявляется в православии, где историческое чувство глубоко укоренено в христианском опыте. Таким образом, для христианских авторов история становится подтверждением их учения. Как следствие, сама историческая наука обязана своим появлением христианству и концептуально берет свое начало в провиденциализме.

Однако с развитием исторического знания, с появлением философских концепций Нового времени историческая наука быстро покидает свою колыбель, начинается процесс переосмысления старого исторического знания. Этот процесс приводит к складыванию современной исторической науки с новыми задачами, новым понятийным аппаратом,

новыми целями исследований, что в свою очередь объявило провиденциализм тупиковой ветвью эволюции исторического знания и обозначило его место в глубоком историческом прошлом. История церкви начинает рассматриваться историками как противоположность светскому историческому знанию. Провиденциальная историческая концепция была объявлена замершей, не имеющей тенденций к развитию и самосовершенствованию. Исходя из этого, отбрасывались и знания, сложившиеся внутри нее, как изначально порочные. Отвергалось, в силу их методологической близорукости, наследие историков церкви, сложивших целый комплекс исторических произведений. Все это привело к тому, что современная русская научно-историческая литература с величайшей неохотой обращается к наследию церковных историков, оставляя открытым вопрос об их научной значимости и достоверности, прежде всего потому, что их глубокий христианский провиденциализм бесспорен. Тем самым вопрос о достоверности исторического знания, полученного церковным историком, замалчивается. Замалчивается и вопрос о том, насколько провиденциализм способен решать основную задачу истории – научную реконструкцию и осмысление исторического прошлого. В сложившейся ситуации ответить на этот вопрос поможет только анализ самой провиденциальной исторической концепции, позволяющий раскрыть ее сильные и слабые стороны. В этом и заключается актуальность данного исследования.

Изученность темы. За исключением немногочисленных сочинений, написанных до революции 1917 года и представляющих собой попытку рассмотрения и анализа комплекса историографии русской церковной истории, заявленная тема не получила освещения в исторической литературе. В силу идеологических установок, эволюция русской церковно-исторической школы осталась за бортом научных исследований в советской историографии, а немногочисленные работы, написанные эмигрантами первой волны, остались без должного внимания. Однако в последнее десятилетие интерес к истории церкви и православной культуре возобновился. Об этом свидетельствует начавшееся переиздание сочинений классиков русской церковной истории. Это вызвало к жизни ряд статей и монографий, посвященных русским церковным историкам. Анализ развития историографического комплекса, посвященного этой теме, дан в первой главе настоящего исследования. Тем не менее, работ, рассматривающих весь комплекс церковной историографии, в современной исторической науке еще не создано. Все это предоставляет широкие возможности для изучения данной темы и еще раз подтверждает актуальность данного исследования.

Объектом данного исследования, таким образом, является процесс возникновения, развития и эволюции провиденциальной исторической концепции в трудах русских историков церкви. Провиденциальная концепция русской церковно-исторической литературы, сложившись в конце XVIII века как часть церковной апологетики, была вынуждена эволюционировать вслед за общим историческим знанием. Этот процесс был осложнен противоположными тенденциями, возникшими внутри самой церковной истории: с одной стороны, позицией церкви, для которой церковная история, являясь частью общего богословия, не могла подстраиваться под новации светского исторического знания, с другой стороны, стремлением части авторов актуализировать историческое изложение через сближение церковной и светской исторической науки.

Предметом данного исследования стали полномасштабные исторические произведения, охватывающие историю русской церкви целиком. Все они рассматриваются как этапы формирования комплекса исследовательской литературы по истории русской церкви и наглядно иллюстрируют стадии его становления и развития. В анализе этих историографических источников раскрывается процесс как накопления исторических знаний, так и складывания конкретно-исторического материала, то есть открывается необходимая база, на которую опиралась русская церковно-историческая наука в своем развитии. Это дало возможность подвести некоторые итоги, в которых отразились и рост русской церковной истории как науки в ее содержательной части и история творческого пути в развитии научной мысли.

Хронологические рамки исследования обусловлены выходом в свет церковно-исторических произведений, которые были созданы историками церкви в период XVIII–XIX веков. Подобные хронологические рамки не случайны. Начало XVIII века, открывшееся эпохой Петра I, глубоко изменило весь облик Русского государства. Изменения коснулись и сферы духовного образования. Приходит время научного богословия, и история церкви занимает в нем подобающее место. С XVIII столетия начинает формироваться историографический комплекс церковно-исторических произведений, начинается развитие церковно-исторической науки. Центральными фигурами в этом процессе выступают такие ученые-архиереи, как архиепископы Феофан (Прокопович) и Дамаскин (Семенов-Руднев), митрополиты Платон (Левшин) и Евгений (Болховитинов). Им и им подобным выпала честь создания основ русской церковной истории. Митрополиты Платон и Евгений в своем творчестве соединили век XVIII и век XIX. В XIX веке истори-

ография церкви получает свое развитие в трудах архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова). Их перу принадлежат наиболее значительные произведения по истории церкви, во многом сформировавшие в дальнейшем весь облик церковно-исторической литературы. Во-первых, вышеназванные авторы входят в историю как выдающиеся богословы, сочетающие занятия историей церкви с теоретической теологией. Во-вторых, именно ученые-архиереи определяют в этот период облик духовного образования в России и, следовательно, церковно-исторической науки, развитие которой отвечало, прежде всего, потребностям духовной школы. Именно в этих произведениях провиденциальная историческая концепция представлена наиболее полно и последовательно. Несмотря на то, что история церкви в это время обогащается и произведениями светских авторов (такowymi были работы А.Н. Муравьева и М.В. Толстого), основными событиями этого периода становятся работы историков-архиереев.

Следствием исторических преобразований второй половины XIX века стала глубокая перестройка всех сторон жизни российского общества. Церковь в лице своих лучших представителей пытается адекватно реагировать на вызовы истории. Все это выражается в стремлении обновить комплекс представлений, раскрывающих русскую церковную историю. Наиболее ярко это явление предстает перед нами в творчестве светских историков русской церкви, круг которых складывается в шестидесятые годы XIX века. Здесь следует упомянуть, прежде всего, творчество П.В. Знаменского и А.П. Доброклонского, в произведениях которых зримо видна тенденция отхода от основных постулатов богословского понимания исторического процесса. Процесс обновления исторических взглядов принудил к пересмотру своих позиций даже наиболее консервативное крыло церковных историков, ярким тому примером становится работа П.И. Малицкого. Пытаясь во всем угодить ортодоксальному богословию, он, тем не менее, уже не может игнорировать те новейшие достижения, на которые была способна церковно-историческая литература. В этих работах достаточно ярко читается желание совместить принципы провиденциализма с новыми философскими идеями, расцвет которых приходится на этот период времени. Хотя эти возможности были невелики, сама тенденция указывала на то, что русская церковная наука уже не может решать стоящие перед ней задачи внутри ортодоксальной богословской традиции. Таким образом, разрыв был неизбежен. Ярче всего он проявился в творчестве Е.Е. Голубинского, который в своей фундаментальной работе полностью отошел от богословского понимания не только задач, но и понятия самого

объекта исследования. Не прервав полностью связь со всем предшествующим накопленным опытом, Голубинскому удается на базе исторического позитивизма не только создать беспрецедентную по широте и глубине работу, но и указать путь дальнейшего развития этого жанра исторического исследования, введя церковно-исторические изыскания в строй общеисторических проблем. Следствием этого переворота становится утверждение жанра церковно-исторического исследования как составной части комплекса нашего знания о прошлом России. Переворот этот соответствует периоду конца XIX – начала XX века, что хронологически и завершило представленное исследование.

Таким образом, основные хронологические рамки работы определяются формированием и развитием комплекса церковно-исторических произведений, выработанного историками русской церкви в XVIII – начале XX века. Однако в данной работе в тех местах, где этого требует изложение, хронологические рамки повествования могут быть расширены для привлечения материалов, позволяющих более полно отразить логику данного исследования.

Цель диссертационного исследования определяется анализом предшествующей историографии по теме и включает в себя доказательство положения, что комплекс церковно-исторических произведений, созданный русскими церковными историками и рассматриваемый в контексте развития русской исторической мысли, является неотъемлемой частью отечественной историографии. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **исследовательских задач**:

1) выявить основных представителей церковно-исторической науки, внесших особый вклад в создание и развитие историографического комплекса по истории русской церкви и рассмотреть персоналии в контексте общего развития русской исторической мысли XVIII–XIX вв.

2) установить этапы формирования комплекса русской церковной историографии, рассмотреть творческое наследие складывавших его авторов.

3) проследить основные этапы возникновения, формирования и эволюции богословской исторической концепции в трудах как историков-клириков, так и светских представителей церковно-исторической науки.

4) провести анализ богословской исторической концепции на предмет выявления ее возможностей для получения объективной информации в исторических исследованиях.

5) выявить вклад историков русской церкви в разработку профильных тем в комплексе отечественной историографии.

Научная новизна диссертационного исследования выражена в том, что оно представляет собой первую попытку комплексного рассмотрения историографического наследия, созданного русскими церковными историками.

1) Исходя из этого, реализована попытка характеристики основных предвостановлений русской церковно-исторической школы.

2) На основании опыта всей предшествующей историографии по теме выявлен вклад русских церковных историков в развитие отечественной истории и русской исторической мысли, показаны концептуальные особенности построения исторического изложения в церковно-исторических произведениях.

3) С учетом того факта, что развитие исторической мысли в России было немислимо без идеологического влияния православия, выявлены концептуальные взаимосвязи светской и церковной исторической науки.

4) Восполнен пробел в историографическом наследии, которое рассматривало научную деятельность церковных историков с высокой степенью тенденциозности, что привело к противопоставлению светских и церковных исторических исследований, породило практику взаимного недоверия в оценке достигнутых результатов. В данной работе предпринимается попытка объективно оценить вклад церковных историков в развитие русской исторической науки и определить место этих историков в отечественной историографии.

5) Кроме этого, данное исследование позволило восполнить недостаток современных историографических курсов, которые пренебрегают вкладом ученых-архиереев и светских церковных историков в формирование комплекса конкретно-исторических исследований по истории России.

Теоретико-методологическая основа работы определена, исходя из цели и исследовательских задач. Это потребовало применения различных приемов и методов, сочетание которых было найдено в соответствии с принципами научной объективности и историзма. Принцип научной объективности стал основой комплексного источниковедческого и историографического анализа привлекаемых исторических источников. Принцип историзма дал возможность рассматривать объект и предмет исследования во взаимосвязи с объективными историческими процессами, проходившими в России в указанный хронологический период. Теоретическая часть исследования базируется на общенаучной методологии, основанной на применении анализа и синтеза, индуктивной и дедуктивной логики в построении доказательной базы работы.

Так как работа представляет собой историографическое исследование, для реализации цели применялись общие приемы историографического анализа: выяснение проблематики исторических трудов, анализ источниковой базы и методов работы историков, определялись принципы положенного в основу работ исторического познания. В основу названных приемов легли такие общегуманитарные методы, как герменевтика и феноменология, что позволило рассматривать комплекс церковной историографии как составляющую часть философских воззрений конкретной эпохи.

Специфика работы, заключающаяся в исследовании эволюции русской церковной историографии на хронологически продолжительном отрезке времени, потребовала применения в качестве генерализирующего историко-генетического метода. Это позволило показать причинно-следственные связи и закономерности в эволюции историографического комплекса по русской церковной истории. Использование историко-генетического метода совместно с принципом хронологического построения исследовательского материала и синхронного метода изложения позволило проследить традицию от ее зарождения в XVIII до расцвета в XIX веке.

Так как цель исследования предполагает доказательство положения о нераздельности церковно-исторического и общ исторического историографического комплекса по русской истории, применение историко-генетического метода постоянно дополнялось использованием сравнительно-исторического и историко-системного методов исследования. Это в свою очередь позволило показать общее и особенное в развитии двух взаимодополняющих начал в русской историографии, проследить эволюцию взглядов церковных и светских историков на фоне историософских концепций конкретной исторической эпохи, связать историософию с этапами исторического развития России. Подобный структурно-диахронный анализ дал возможность проследить историю церковно-исторической науки в развитии, показать динамику и этапность в ее эволюции. Использование метода системного анализа для реализации целей и задач работы неизбежно приводит к новому осмыслению исторической данности, выраженной в синтезе новых представлений о роли и месте церковных историков в русской историографии. Таким образом, результат работы стал следствием комплексного применения как общенаучных, так и собственно-исторических методов исследования, использованных автором в диалектическом единстве.

Источники. Базой для исследования по заявленной теме послужил обширный комплекс историографических источников, раскрыва-

ющий аспекты жизни и творчества русских историков церкви в обозначенный хронологический период. Подробный анализ источникового комплекса исследования дан в первой главе работы. Его можно условно разделить на две части.

Прежде всего, это полномасштабные исторические сочинения, оставленные ведущими церковными историками и позволяющие последовательно раскрыть процесс становления и развития отечественной церковно-исторической науки. Сюда следует отнести «Истории русской церкви», написанные митрополитами Платоном (Левшиным), Макарием (Булгаковым), архиепископом Филаретом (Гумилевским); сочинения по истории церкви А.Н. Муравьева и М.В. Толстого и выдающееся церковно-историческое исследование, оставленное профессором Московской духовной академии Е.Е. Голубинским. К этой же источниковой группе, несмотря на яркую специфику данных сочинений, следует отнести учебные руководства по истории русской церкви П.В. Знаменского, П.И. Малицкого и А.П. Доброклонского. Все эти работы отличает смысловая и научная законченность, концептуальная выверенность, яркая реализация авторских целей исследования.

Вторая группа историографических источников представлена комплексом исследовательской литературы, посвященной жизни и творчеству названных авторов. Количество и качество подобных сочинений дало возможность построения историко-биографической части исследования без обращения к архивным материалам. Большинство подобных сочинений написано современниками, людьми, имевшими опыт общения с перечисленными авторами, либо исследователями, в чьи руки попали авторские архивы после смерти самих ученых. Ценность подобных сочинений возрастает ввиду утраты в советский период многих архивных документов, доступных исследователям XIX – начала XX веков. Кроме этого, следует отметить, что, ввиду большого количества и разнообразия этой группы историографических источников, многие из них не были научно обработаны и используются впервые.

Основными положениями диссертации, выносимыми на защиту, являются следующие авторские утверждения:

1) Русская церковно-историческая наука зародилась в России одновременно со светским историческим знанием. Реформы Петра I превратили церковь в элемент государственной машины. Одной из главных задач стало идеологическое обоснование действий верховной власти и защита ее интересов в спорах с инакомыслящими. Этим же идеологическим задачам отвечала возникшая в России как светская, так и церковно-историческая наука.

2) Русская церковная и светская история развивались параллельно, используя одну и ту же теоретическую и методологическую базу. Следуя за светской исторической наукой, история русской церкви на протяжении XVIII–XIX веков копирует ее теоретические установки, пытаясь привязать их к собственному объекту исследования. Все это приводит к единым нормам понимания целей и задач исторического исследования, соединяя теоретические положения светской и церковной истории.

3) Русские историки церкви создали обширный комплекс исторических произведений, являющийся неотъемлемой частью отечественного историографического наследия. Существование и развитие русской православной церкви было неотделимо от общих тенденций исторического развития России. Это заставляло церковного историка укладывать свое исследование в общие рамки развития русской истории, соединяя светское и церковное воедино. Тем самым складывался уникальный комплекс исторических произведений, рассматривающий общехристианский процесс через одну из его составляющих.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что его результаты могут быть использованы в построении современных курсов по русской историографии XVIII – начала XX веков. Собранные и доказанные автором диссертационного исследования положения могут значительно обогатить комплекс представлений о развитии русской исторической мысли в этот период, расширить сложившиеся представления о круге лиц, занимавшихся разработкой проблем русской истории. Все это позволит расширить наши представления об историографии названного периода, более четко проследить взаимовлияние историографических школ и направлений.

Структура работы выстроена по проблемно-хронологическому принципу и содержит в себе пять глав, три из которых разбиты на параграфы, а также введение, заключение, список использованной литературы и источников. Разделение на главы доказательной части работы призвано последовательно реализовать задачи данного сочинения и достичь поставленную исследователем цель.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность, научная новизна и практическая значимость диссертации, определены объект и предмет исследования, заданы хронологические рамки, сформулированы цели и задачи, определена методология исследования.

Глава I. Историографическая изученность проблемы и историографические источники. Глава посвящена анализу историографии, рассматривающей исторический путь, пройденный русской церковной историей, и выделению круга историографических источников по теме исследования. Историография вопроса и комплекс историографических источников по данной теме представлен рядом произведений, подробный анализ которых дан в первой главе предлагаемого исследования.

Прежде всего, это систематические историографические обзоры, претендующие на анализ всего комплекса русской церковной историографии. На первом месте по хронологии здесь стоят работы Ф.И. Титова: «Критико-библиографический обзор по истории Русской Церкви»¹ и «Критико-библиографический обзор новейших трудов по истории церкви»². К подобного рода работам можно отнести и «Краткий историко-критический очерк систематической обработки церковной истории»³, принадлежащий перу А.В. Карташева и увидевший свет в 1903 году. К произведениям обобщающего характера можно отнести и работу А.П. Лебедева «Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX»⁴. Все эти работы выходят в свет в начале XX века, накануне революции.

В постреволюционное время осмыслением пути, пройденного русской церковной историей, занялись эмигранты. Первой работой этого цикла стала работа Н.Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии»⁵, вышедшая в 1928 году в Варшаве. Нельзя обойти стороной фундаментальное исследование протоиерея Георгия Васильевича Флоровского «Пути русского богословия»⁶, оценки которого не устарели до сих пор, а сама работа

¹ Титов Ф.И. Критико-библиографический обзор по истории Русской Церкви. Киев, 1901. Вып. I.

² Титов Ф.И. Критико-библиографический обзор новейших трудов по истории церкви. Киев, 1904. Вып. III.

³ Карташев А. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. СПб., 1903. Т. ССХVI, ч. I, № 7 (Июль). С. 91–92.

⁴ Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX. СПб., 1903.

⁵ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. Эта книга переизд. в недавнее время дважды: [Б. м.] : Изд. Свято-Владимир. братства, 1992 и М., 2002; В работе цит. по: Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. [Б. м.] : Изд. Свято-Владимир. братства, 1992.

⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

не утратила актуальности и является единственным примером произведения такого масштаба и полноты. Значительный вклад в развитие историографического комплекса вносят работы И.К. Смолича⁷ и А.В. Карташева⁸. Масштабные исторические произведения, созданные этими авторами, предваряются достаточно подробными введениями, в содержании которых присутствует историографический анализ предшествующей литературы. Кроме этого, попытка дать полную картину историографического комплекса истории русской церкви была предпринята С.Г. Пушкаревым⁹. Нельзя пройти и мимо последней по времени публикации – систематического изложения развития русской церковно-исторической науки. Такая попытка принадлежит перу А. Мелькова¹⁰, сотрудника Коломенской духовной семинарии. Несмотря на масштабность многих из перечисленных работ, хочется отметить ряд недостатков, которые для них характерны. Прежде всего, не рассмотрены вопросы формирования и эволюции богословско-исторической концепции, рассуждения авторов о русской церковной истории даны в отрыве от историософских споров эпохи. Как следствие, складывается впечатление, что церковно-историческая наука находилась в полной изоляции от светского исторического знания.

Представляют интерес исторические исследования, посвященные становлению и развитию духовного образования в России. Прежде всего, это работа П.В. Знаменского «Духовные школы в России до реформы 1808 года», монографии С.К. Смирнова и А.Н. Надеждина¹¹, посвященные религиозному образованию XIX века. Весьма расширяет сведения по теме сборник воспоминаний выпускников Московской духов-

⁷ *Smolich Igor. Geschichte der russischen Kirche, 1700–1917. Bd I. Leiden, 1964 ; Smolich Igor. Geschichte der russischen Kirche, 1700–1917. Bd II. Wiesbaden, 1991; В работе цит. по: Смолич И.К. История русской церкви. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 1996. Ч. I. ; М., 1997. Ч. II.*

⁸ *Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. I, II.*

⁹ *Пушкарев С. Историография русской православной церкви // Журн. Моск. патриархии. 1998. № 5. С. 67–79 ; № 6. С. 46–67; Пушкарев С. Историография старообрядчества // Там же. 1998. № 7. С. 62–74.*

¹⁰ *Мельков А. Развитие церковно-исторической науки в России до начала XX в. // Журн. Моск. патриархии. 2003. № 2. С. 70–75.*

¹¹ *Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881; Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001; Смирнов С. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879; Надеждин А. История Санкт-Петербургской духовной семинарии с обзором общих указаний и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб., 1885.*

ной академии¹². История духовного образования также представлена в работах С.И. Смирнова, С.Г. Рункевича, И.К. Смолича¹³.

Нельзя обойтись без справочно-биографических изданий, дающих нередко весьма ценную информацию¹⁴. Представляют безусловный интерес ряд работ теоретического плана, которые позволили рассмотреть философско-исторические условия формирования и развития церковно-исторической традиции в России. В этом плане нельзя пройти мимо монографий Л.Е. Шапошникова¹⁵, посвященных анализу течений русского философского идеализма XIX века. Заслуживает внимания и комплекс статей, посвященных вопросам развития церковно-исторической науки, ее историософских и методологических аспектов. Здесь следует упомянуть критические работы Н.П. Гилярова-Платонова¹⁶. Представляют интерес работы Г.В. Флоровского «Смысл истории – смысл жизни» и «О патриотизме праведном и духовном», напечатанные в сборнике статей «Из истории прошлого русской мысли», вышедшего в 1998 году, а также его статья «Размышление христианского историка»¹⁷. Разрешению вопроса о совмещении научно-исторического подхода в исследовании прошлого с догматическими принципами посвящена статья

¹² У Троицы в академии. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914.

¹³ Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855; Рункевич С.Г. Русская Церковь в XIX веке. Ист. очерки. СПб., 1901; Смолич И.К. Указ. соч. Т. I. Гл. V. Духовное образование. С. 389–493.

¹⁴ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862–1863 гг. СПб., 1884; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889; Полный церковно-славянский словарь / сост. Г.Дьяченко. М., 1899; Русский биографический словарь / под ред. А.А.Половцева. СПб., 1905; Православная энциклопедия. М., 2006; Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. I, II; История России. Биографии / под ред. А.Н.Чернобаева. М., 2001.

¹⁵ Шапошников Л.Е. Православие и философский идеализм. Горький, 1986; *Он же*. Консерватизм, новаторство и модернизм в православной мысли XIX–XX веков. Н.Новгород, 1999; *Он же*. Очерки русской историософии XIX–XX вв. Н.Новгород, 2003.

¹⁶ Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // Русская беседа. 1858. Кн. I. С.66–87; История русской церкви Макария, епископа Винницкого // Русская беседа. 1859. Кн. III. С. 1–36. Цит. по: Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. М., 1899. Т. I. С. 216–241; История русской церкви Макария, епископа Винницкого // Там же. С. 248–290.

¹⁷ Флоровский Г.В. Из истории прошлого русской мысли. М., 1998. С. 104–110, 132–165; Florovskiy G. The Predicament of the Christian Historian // Religion and Culture: Essays in Honor of Paul Tillich / ed. W. Leibrecht. N. Y.1959. P. 140–166, 359–362.

Г.П. Федотова «Православие и историческая критика»¹⁸. Во многом уникальна небольшая по объему работа И.К. Смолича «К вопросу о периодизации истории русской церкви»¹⁹. Она является, пожалуй, единственным сочинением маститого историка, в котором он напрямую затрагивает вопросы историографии.

После революции 1917 года история церкви как предмет была изгнана со страниц официальных исторических курсов. Работы по этой теме, написанные русскими учеными в эмиграции, не смогли решить большинство из стоящих по сей день перед исследователями вопросов. Как следствие, современный исследователь располагает весьма ограниченной историографической базой, позволяющей раскрыть заявленную тему.

Формирование комплекса историографических источников по истории русской церкви было положено работой «Краткая церковная российская история»²⁰ митрополита Московского Платона (Левшина). Это было первое в России систематическое изложение отечественной церковной истории. «История русской церкви»²¹ архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского) стала логическим продолжением работы митрополита Платона. Свою задачу автор видел в создании работы, которая бы подала историю русской церкви в определенной системе, обобщив весь предшествующий опыт как церковной, так и светской исторической традиции. Одновременно с появлением «Истории русской церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского) начинается публикация первых томов фундаментального труда архимандрита (впоследствии митрополита Московского) Макария (Булгакова). Современный исследователь располагает новым изданием «Истории русской церкви» митрополита Московского Макария (Булгакова), которое было осуществлено в период с 1994 по 1996 годы. Издание включает в себя семь книг, содержащих все двенадцать томов фундаментальной работы Макария²². Двенадцатитомное издание «Истории русской церкви» мит-

¹⁸ Федотов Г. Православие и историческая критика // Путь. 1932. № 33 (апр.) С. 3–17.

¹⁹ Smolitsch I. Zur Frage der Periodisierung der Geschichte der Russischen Kirche // Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas / Hrsg. von Hans Koch. 1940–41. Jahrgang 5. Heft 1–2. S. 66–81.

²⁰ Платон (Левшин) митрополит московский. Краткая церковная российская история. М., 1805.

²¹ Филарет (Гумилевский). История русской церкви. (В пяти периодах). М., 2001.

²² Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М., 1994; Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. II. История русской церкви в период совершенной

рополита Московского Макария (Булгакова) завершает линию церковно-исторических произведений, созданных историками-клириками.

Начало формирования комплекса церковно-исторических произведений, созданных светскими историками, положила публикация в 1838 году «Истории Российской Церкви» А.Н. Муравьева²³. В 1870 году в свет выходят «Рассказы из истории русской церкви» известного русского агиографа графа М.В.Толстого²⁴. Комплекс историографических источников по истории церкви не может считаться полным без учебных пособий, предназначенных для изучения этого предмета в семинариях и академиях. Это, прежде всего, учебное руководство, написанное профессором Казанской духовной академии П.В. Знаменским²⁵. Представляет научный интерес и учебное руководство П.И. Малицкого, первое издание которого состоялось в Туле в 1888 году²⁶. В 1884 году в Рязани

зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. Кн. III. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1448). (Отдел первый. Состояние русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448)). М., 1995; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. Кн. IV, ч. 1. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). (Отдел второй. Состояние русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589)). М., 1996; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. Кн. IV, ч. 2. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). (Отдел второй. Состояние русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589)). М., 1996; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. Кн. V. Период разделения русской церкви на две митрополии. (История западнорусской, или литовской, митрополии (1458–1596)). М., 1996; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. Кн. VI. Период самостоятельности русской церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). (Отдел первый. Патриаршество московское и вся Великая Россия и Западнорусская митрополия (1589–1654)). М., 1996; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. Кн. VII. Период самостоятельности русской церкви (1589–1881) Патриаршество в России (1589–1720). (Отдел второй. Патриаршество Московское и вся Великия, и Малыя, и Белья России – воссоединение Западнорусской церкви с Восточнорусской (1654–1667)). М., 1996.

²³ *Муравьев А.Н.* История Российской Церкви. СПб., 1838. Цит. по: Муравьев А.Н. История Российской Церкви. М., 2002.

²⁴ *Толстой М.В.* Рассказы из истории русской церкви. М., 1870. Цит. по: История русской церкви; *Толстой М.В.* Рассказы из истории русской церкви. Изд. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.

²⁵ *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870. Цит. по: *Знаменский П.В.* История русской церкви (учебное руководство). М., 2002.

²⁶ *Малицкий П.И.* Руководство по истории Русской Церкви. Тула, 1888. Цит. по: *Малицкий П.И.* Руководство по истории русской церкви. М., 2000.

и потом в Москве начинается публикация «Руководства по истории русской церкви» А.П. Доброклонского²⁷.

Несколько особняком в списке историографических источников данного исследования стоит «История русской церкви» профессора Московской духовной академии Е.Е. Голубинского. «История русской церкви» (первая и вторая половина первого тома) Е.Е. Голубинского впервые увидела свет в 1880-1881 году и охватывала домонгольский период русской церковной истории²⁸. В 1900 году в свет выходит второй том «Истории русской церкви»²⁹. За этим томом в 1901 и 1904 годах последовало переиздание первого тома работы³⁰. В 1904 году Голубинский начинает готовить к печати вторую половину второго тома своей работы, но наступившая слепота делает невозможным это предприятие. Материалы этого издания были систематизированы и изданы только в 1911 году С.А. Белокуровым³¹. В распоряжении современного

²⁷ Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. Ч.1. Рязань, 1884, Ч.2. М., 1886; Ч.3. М., 1889; Ч.4. М., 1893. В работе цит. по: Доброклонский А.П.

Руководство по истории русской церкви. М., 2001.

²⁸ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый киевский или домонгольский. Первая половина тома. Т.1. М., 1880. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Т.1. М., 1881.

²⁹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. Т.1 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1900. Кн.1. (192), Голубинский Е.Е. История русской церкви. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при московском университете. М.: Университ. тип. 1900.

³⁰ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. Издание второе, исправленное и дополненное. Т.1 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1901. Кн.3. (198), Голубинский Е.Е. История русской церкви. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при московском университете. М.: Университ. тип. 1901, Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Издание второе, исправленное и дополненное. Т.1 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1904. Кн.2. (209), Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Отдельный оттиск. Издание второе, исправленное и дополненное. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при московском университете. М., Университ. тип. 1904.

³¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Вторая половина

исследователя имеется репринтное воспроизведение издания 1901–1904 и 1911 годов, выпущенного Императорским Обществом истории и древностей российских. В данной работе использовано это последнее издание³².

В заключение следует заметить, что весь представленный комплекс историографических источников прекрасно передает оригинальный текст исследуемых произведений и авторскую мысль, изложенную в них. Незначительные расхождения, которые присутствуют в разных редакциях некоторых из перечисленных работ, не изменяют общего смысла изложения и не могут помешать реализации главной цели – исследованию концептуальных особенностей данных исторических работ.

Вторую часть комплекса историографических источников составляют исследования, посвященные жизненному пути и научному наследию, оставленному русскими церковными историками. Информационная ценность этих сочинений во многом определяется отсутствием у современного исследователя возможности обращения к тем архивным документам, которые были доступны авторам названных исследований.

Это, прежде всего, биографические монографии, посвященные жизни и творчеству видных русских историков церкви. Здесь можно отметить работы таких исследователей, как И.А. Чистович, П.О. Морозов, сочинения которых посвящены деятельности Феофана (Прокоповича)³³. Сюда же относятся монографии Ф.В. Четыркина, И.М. Снегирева, Д.С. Дмитриева о митрополите Платоне (Левшине)³⁴, работа Я.И. Горожанского о личности епископа Дамаскина (Семенова-Руднева)³⁵, а также работы Е.Ф. Шмурло и Н. Полетаева, весьма подробно рассмотревших вопросы научной деятельности митрополита Евгения (Болхови-

тома. Т. II // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1911.

³² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Т. I. Первая половина. М., 2002; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Т. I. Вторая половина. М., 2002; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Т. II. Первая половина. М., 1997; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Т. II. Вторая половина. М., 1998.

³³ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; Морозов П.О. Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880.

³⁴ Четыркин Ф.В. Платон, митрополит московский. Изд. 2. СПб., 1899, Снегирев И.М. Жизнь московского митрополита Платона. Изд. 4. М., 1891; Дмитриев Д.С. Платон митрополит московский и его обитель. М., 1898.

³⁵ Горожанский Я. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737–1795). Его жизнь и труды. Киев, 1894.

тинова)³⁶. Заслуживает внимания сочинения И.С. Листовского, посвященное творчеству архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского)³⁷, и К.В. Харламповича об историке П.В. Знаменском³⁸. Ценную информацию содержит биографический очерк Н.А. Лебедева о митрополите Московском Макарии (Булгакове)³⁹.

Кроме вышеперечисленных монографий, требованиям историографического источника отвечает ряд статей, посвященных церковным историкам. В качестве примера подобного рода публикаций можно привести статьи С.И. Пономарева, П. Николаевского, В. Певницкого о митрополите Евгении (Болховитинове)⁴⁰, статьи архимандрита Никона и Ф. Дмитриевского об архиепископе Черниговском Филарете (Гумилевском)⁴¹, статьи архимандрита Григория и биографические очерки Н.А. Лебедева, С. Смирнова и М.Д.Приселкова, отражающие жизнь и творчество митрополита Московского Макария (Булгакова)⁴². Далее кратко изложено биографии ученого-историка, включающей основные этапы его жизни и научного творчества, авторы обычно не двигаются. Суждения об историографическом наследии строятся на основании уже сложившегося традиционного мнения и не отличаются оригинальностью и новизной.

³⁶ Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы его жизни. 1767– 1804. СПб., 1888, *Полетаев Н.* Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории русской церкви. Казань, 1889.

³⁷ *Листовский И.С.* Филарет, архиепископ Черниговский. Чернигов, 1894.

³⁸ *Харлампович К.В.* Историк-художник П.В. Знаменский. М., 1917.

³⁹ *Лебедев Н.А.* Макарий, бывший митрополит Московский. Биографический очерк. СПб., 1882.

⁴⁰ *Пономарев С.И.* Материалы для биографии митрополита Евгения // Труды Киевской духовной академии. 1867. № 8. С.293–353; *Николаевский П.* Ученые труды преосвященного Евгения Болховитинова, митрополита Киевского, по предмету русской церковной истории // Христианские чтения. 1872. № 7. С. 375–430; *Певницкий В.* Речь по случаю поминовения основателей, благодетелей и начальников Киевской академии и всех в ней учивших и учившихся // Труды Киевской духовной академии. 1867. № 12. С.676–680.

⁴¹ *Никон* (архимандрит). Мои воспоминания о годах отрочества и юности архиепископа Филарета // Руководство для сельских пастырей. 1867. № 5; *Дмитриевский Ф.* Нечто из детства и юношеских лет Филарета Гумилевского // Черниговские епархиальные ведомости. 1870. № 21,22.

⁴² *Григорий* (архимандрит). Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский // Православное обозрение. 1888. № 5,6; *Лебедев Н.А.* Макарий, бывший митрополит Московский. Биографический очерк. СПб., 1882; *Смирнов С.* Кончина и погребение высокопреосвященного Макария митрополита Московского и Коломенского (и послужной список его) М., 1882; *Приселков М.Д.* Митрополит Макарий (Булгаков) и его «История Русской Церкви» (1816–1616) // Русский исторический журнал. Пг., 1918.

К сожалению, советская историография практически полностью прекращает работу по данной тематике. Исключения составляют только издания, принадлежащие патриархии, под эгидой которой, в «Журнале Московской патриархии», выходит статья священника А. Просвирнина⁴³, и новый коллективный труд Е.В. Кузнецова, И.Н. Никулина, Е.П. Титкова⁴⁴.

Кроме этого, следует отметить ряд статей, вышедших по теме в последнее время. Обращает на себя внимание статья Ю. Максимова, посвященная архиепископу Филарету (Гумилевскому)⁴⁵. Заслуги митрополита Московского как историка отражены в прекрасных статьях, вышедших в качестве предисловий к томам его переизданной «Истории русской церкви». Тут следует отметить работы С.А. Беляева, Б.Н. Флори, М.В. Дмитриева⁴⁶.

Вводными статьями, посвященными личностям русских церковных историков, предваряются многие из современных переизданий церковно-исторических произведений. Среди таких работ следует отметить статьи Н.А. Хохловой⁴⁷, и В.П. Хавроничева⁴⁸, посвященные историку и общественному деятелю XIX века А.Н. Муравьеву. Среди вводных статей можно выделить две работы И.В. Соловьева, посвященные творчеству П.И. Малицкого⁴⁹ и А.П. Доброклонского⁵⁰.

⁴³ А(натолій) П(росвирнин). Митрополит Макарий (Булгаков) и академик Е.Е. Голубинский (Из истории русской церковно-исторической науки) // Журнал московской патриархии. 1973. № 6. С. 66–78.

⁴⁴ Кузнецов Е.В., Никулин И.Н., Титков Е.П. Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин. (Страницы жизни, деятельности и творчества). Арзамас, 1998.

⁴⁵ Максимов Ю. Архиепископ Филарет (Гумилевский) как агиограф // Журнал Московской патриархии. 2000. № 12.

⁴⁶ Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука / Макарий (Булгаков). Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1994. Т. I. Кн. 1. С. 33–79; Флоря Б.Н. Митрополит Макарий как историк западной церкви / Макарий (Булгаков). Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Т. V. Кн. 5. С. 5–18; Дмитриев М.В. Основные проблемы истории Киевской митрополии // Макарий (Булгаков). Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Т. VI. Кн. 6. С. 11–22.

⁴⁷ Хохлова Н.А. «Действенная вера и мысли неизменный строй» // Муравьев А.Н. История российской церкви. М., 2002. С.3–24.

⁴⁸ Хавроничев В.П. «История российской церкви» А.Н. Муравьева // Муравьев А.Н. История российской церкви. М., 2002. С.461–493.

⁴⁹ Соловьев И. Предисловие / Малицкий П.И. Руководство по истории русской церкви. М., 2000. С.3–4.

⁵⁰ Соловьев И. Профессор А.П. Доброклонский как историк Русской Церкви // Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. М., 2001. С. 1–X.

Однако, при всей полноте содержащегося в перечисленных работах материала, авторов работ больше интересуют биографические коллизии своих героев. Как следствие, основное внимание сосредотачивается на рассмотрении и критике внешних сторон научно-исторической деятельности своих персонажей, перипетий их карьеры, личной жизни, научных взаимоотношений с товарищами по цеху. В результате, в таких исследованиях практически полностью опускаются вопросы общего развития исторического знания, эволюции его концептуальных основ. Подчеркивая исключительность своего персонажа, автор как бы опускает этот элемент исследования. Однако, несмотря на этот очевидный недостаток, подобные публикации зачастую содержат исключительно ценный исторический материал.

К числу удачных работ подобного жанра следует отнести книгу А.Ю. Полунова и И.В. Соловьева «Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского», вышедшую в 1998 году⁵¹. В книге приводятся документы, касающиеся его публикаций, письма, составлен полный список опубликованных Голубинским работ. Издание содержит авторский очерк, посвященный жизни и творчеству историка.

Ценность работы значительно увеличивается за счет публикации в ней мемуаров Голубинского. Мемуары представляют собой как собственноручные записи самого историка, так и беседы с ним, которые проводили его ученики. Все эти материалы вошли в «Воспоминания», незначительная часть которых была опубликована С.И. Смирновым⁵² в Юбилейном сборнике, посвященном столетию реорганизации Московской духовной академии в 1914 году. В окончательной редакции «Воспоминания» вышли на родине ученого – в Костроме в 1923 году⁵³. Издание практически сразу стало редкостью, тем ценнее тот факт, что мемуары профессора Московской духовной академии были переизданы в наши дни и вышли как составляющая часть книги.

Все вышеперечисленные произведения складывают круг историографических источников, позволяющий решить научные цели, стоящие перед работой. Приведенные сочинения дают полное представление о формировании исторического комплекса источников, его эволюции и, главное, иллюстрируют складывание исторических представлений перечисленных авторов.

⁵¹ Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.

⁵² Смирнов С. Из воспоминаний Е.Е. Голубинского. У Троицы в академии. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С.708–720.

⁵³ Голубинский Е.Е. Воспоминания. Кострома, 1923.

Глава II. Историки русской православной церкви, занимавшиеся историческими исследованиями в XVIII – начале XX века. Глава посвящена выявлению авторов, трудившихся в русле исторических и церковно-исторических исследований в заявленный хронологический период. Это потребовало минимального изложения творческих биографий историков, так как большинство из них практически неизвестно современному читателю. За редким исключением имена церковных историков не входили в историографические курсы, а значимость их работ замалчивалась.

Эпоха Петра становится началом не только церковно-исторической науки, но всей исторической науки в целом. Все это происходит на фоне восприятия светской наукой европейского знания, что в свою очередь либо открывало новые горизонты для исследователя, либо подталкивало его к полемике с зарубежным оппонентом. Следствием этого процесса стало отделение исторического знания от смежных дисциплин. Светское историческое знание XVIII века обогащается как работами иностранцев: Г.З. Байера, Г.М. Миллера, Ф.Г. Штрубе де Пирмонта, А.Л. Шлецера, так и трудами русских историков: В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, которые заложили фундамент русской исторической школы.

Церковно-историческая наука этого периода не отличается подобным динамичным развитием. Это можно объяснить рядом причин. Первое – светская наука этого периода обильно черпает нечуждый ей зарубежный опыт, что придает ей высокую динамику развития. Церковно-историческая наука в силу конфессиональных и догматических принципов этого опыта избегает. Второе – светская историческая наука развивается внутри дворянского сословия, наиболее обеспеченного и имеющего в России широкие права. Это, в свою очередь, давало исследователю-дворянину определенную независимость в выборе тем и методов исторического исследования. Исследование истории церкви в этот период ведется внутри духовного сословия, что диктует свои условия исследователю, ограничивает его взгляды и возможность высказывать свое мнение. Третье – недостаток самого духовного образования, связанный с косностью мышления большинства представителей духовенства. Русское богословие данного периода только начинает складываться как дисциплина.

Несмотря на эти явно негативные факторы, история церкви как наука получает в XVIII веке свое развитие у таких авторов, как Николай (Адам Бурхард Селий) – преподаватель латинского языка Александро-Невской семинарии. Его последователем и наследником его исто-

рических материалов становится московский архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский). Эти материалы впоследствии войдут в совместную «Историю российской иерархии» Амвросия (Орнатского) и Евгения (Болховитинова). В это время начинается работа над историческим произведением «Начертание истории греко-российской церкви» протоиерея московского Архангельского собора Петра Алексеева. Работа содержала пять частей и включала в себя историю от рождения Христа до времени Екатерины II.

Работы епископа Дамаскина (Семенова-Руднева) закладывают основы хронологической систематики, дают первую периодизацию русской культуры. Стараниями Дамаскина, а также митрополита Самуила (Милославского) и митрополита московского Платона (Левшина) во второй половине XVIII века, в эпоху Екатерины II, начинаются преобразования в Московской духовной академии, пересматриваются учебные планы и программы. История занимает свое место среди преподаваемых наук. В это время в стенах академии проходит обучение будущий митрополит – Евгений (Болховитинов), который войдет в историю как выдающийся археограф, собиратель и публикатор древнерусских рукописей.

О широком знакомстве со светской исторической наукой говорит и тот объем материалов, который был привлечен при написании первого русского исторического курса митрополитом Платоном (Левшиным). Его «Краткая церковная российская история», кроме летописного материала, опиралась на работы Татищева, Щербатова, Манкиева. Платон вступает в полемику с И.П. Елагиным, беспощадно критикуя его исторические произведения. Выход в свет в 1805 году его «Краткой церковной российской истории» подытоживает тот путь, который проделала церковно-историческая наука в XVIII веке.

Подводя итог развития церковно-исторической науки в XVIII веке, следует отметить, что создать в этот период сколько-либо значительные исторические произведения, равные по содержательности и широте замысла работам светских историков, не удалось. Это приводит к тому, что рационалистический дух времени, прослеживающийся в работах таких историков, как В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин (несмотря на поставленные в их произведениях некоторые церковно-исторические вопросы), формирует отрицательное отношение к церкви как таковой и к вопросам церковной истории в частности. Кроме того, в этот период история русской церкви как научная дисциплина только формируется, определяется круг ее задач, складывается круг тем, которые в дальнейшем она будет развивать, накапливается фактический ма-

териал. Этот процесс проходит параллельно с аналогичным процессом в светской истории и вполне объективен.

Первая половина XIX века открывается трудами таких ученых, как Г. Эверс, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, М. Т. Каченовский, М.П. Погодин. Несмотря на разные исторические взгляды и всю палитру мнений, высказанных ими, работы этих ученых были первыми попытками проследить в рамках разных научных школ исторические закономерности, выстроить периодизацию истории России.

Сочинения по церковной истории открывают XIX век «Краткой российской церковной историей» митрополита Платона (Левшина). Она начинается ряд первых систематических работ по данной тематике. После этого написание широкомасштабных исторических произведений становится привилегией высшей церковной иерархии. Их создают архиепископ Филарет (Гумилевский), митрополит Макарий (Булгаков). Сочинение Левшина стало первой попыткой обозреть историю русской церкви целиком. Следуя за Татищевым, Платон с критичностью относится к сказанию о проповеди апостола Андрея на Руси, критикует качество «Степенной книги», высказываясь об осмотрительности в ее цитировании. Платон высказывает ряд ярких предположений относительно русского язычества. Уже в XIX веке это было отмечено в церковной историографии, митрополита Платона ставят в общий ряд со светскими историками этого периода.

Дальнейшее развитие церковно-историческая наука получает в трудах архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова). Творчество Гумилевского как историка церкви требует особой характеристики, так как оно становится важной вехой в развитии концепции церковной истории. Для Гумилевского история церкви – это, прежде всего, история состояния церковной иерархии в тот или иной период. Проводя историографические параллели, можно проследить глубокую связь концептуальных позиций в построении исторической периодизации у Филарета и Н.М. Карамзина. Оба автора сходятся во мнении, что только централизованная политическая власть, как в церкви, так и в государстве, способствует историческому успеху. Отсюда та субъективность и категоричность, с которой Филарет отражает любые попытки критики как государства, так и церкви.

Одновременно с Филаретом на поприще научной разработки истории русской церкви выступил его современник митрополит Макарий (Булгаков). Его многотомная «История русской церкви» стала событием в истории не только церковно-исторической, но и исторической науки. Более обширное и полное произведение, касающееся избранной

тематики, трудно себе представить. Грандиозность самого замысла сочеталась с постепенностью его исполнения. Выход в свет всей «Истории...», начавшийся в период царствования Николая I и закончившийся в правление Александра II, составил целую эпоху в жизни России. Макарий не мог не воспринять новых общественных веяний России Александра II. Историк, творящий в этот период, чтобы быть понятым, должен был строить историческое повествование, исходя из новых критериев. Отсюда его меньшая категоричность в исторических построениях, более расплывчатая периодизация, желание проиллюстрировать исторический факт как можно более подробно, оторваться от заранее установленной системы.

Изменения в обществе не могли не затронуть основ духовного образования, которое эволюционировало вместе с обществом. После введения нового церковного устава в 1869 году все науки академического курса были распределены на три отделения, в числе которых было и церковно-историческое. Появляется научная церковно-историческая литература, духовные журналы с удовольствием печатают сочинения исторического содержания. Подобные публикации начинают подчеркивать разнообразие научных мнений авторов. Все это в конечном итоге приводит к тому, что в церковно-исторической науке начинают формироваться научные направления в разработке и понимании тех или иных исторических вопросов. В исторических работах все в большей степени начинает проявляться дух эпохи. Новое поколение церковных историков начинает скептически относиться к неоспоримым ранее научным постулатам.

Ярким представителем этого поколения ученых был Е.Е. Голубинский, представитель историко-критического направления церковно-исторических исследований. Его «История русской церкви» вошла в историографию как историческое произведение, в котором русские летописные своды были подвергнуты беспощадной критике. В своем произведении Голубинский полностью рвет связь как с жесткой периодизацией Филарета, ориентированной на этапы становления церковной иерархии, так и с иллюстрирующей эволюцию той же иерархии периодизацией Макария. Он начинает рассматривать церковную историю в общеисторическом контексте. Для него история церкви неотделима от истории России и подчиняется общим законам исторического развития. Автор подчеркивает, что сама церковная иерархия совершенствуется и усложняется в соответствии с государственной иерархией. Это было новым словом в трактовке сюжетов церковной истории. Работа Голубинского во многом определила характер и стала образцом для буду-

щих церковно-исторических исследований. Ярким примером здесь могут послужить «Очерки по истории русской церкви» А.В. Карташева, который практически полностью воспроизводит план, а иногда и манеру исторического изложения Голубинского. Фундаментальность исследования Голубинского подчеркивал В.О. Ключевский, который всю жизнь испытывал «искреннее преклонение» перед автором. Можно смело сказать, что «История русской церкви» Голубинского стала весомым вкладом в развитие не только церковной, но и всей российской исторической науки в целом.

В конце XIX – начале XX века церковно-историческая наука начинает прирастать работами таких ученых, как И.Е. Троицкий, профессор Петербургской духовной академии, вызвавший своими лекциями значительное оживление интереса к вопросам церковной истории. Его преемником по кафедре становится профессор В.В. Болотов, зарекомендовавший себя и как одаренный исследователь, и как прекрасный преподаватель. Говоря о Московской академии этого периода, следует, естественно, упомянуть деятельность А.В. Горского, авторитет которого в богословской науке того времени был непререкаем. Эти люди создают основы новой церковно-исторической науки. Их ученики Н.Ф. Каптерев, С.И. Смирнов в то же время становятся научными наследниками В.О. Ключевского, плодотворно работавшего с материалами по истории церкви. В Казанской академии трудится ученик А.П. Шапова П.В. Знаменский, один из ярких представителей церковно-исторической науки, успешно совмещавший в своей карьере преподавание в светских и духовных учебных заведениях. Семидесятые годы XIX века в русском духовном образовании сыграли роль катализатора, подтолкнувшего церковно-историческую науку к ускоренному развитию. Все большее число фактов светской истории привлекается к иллюстрации церковно-исторических событий. В качестве примера можно привести работы А.П. Лебедева, Н.Ф. Каптерева, С.И. Смирнова. Уровень решения научных проблем возрос и стал совместим с научным уровнем светской исторической науки. Несмотря на регрессивные изменения в системе духовного образования, вызванные к действию новым уставом духовных академий 1884 года под редакцией К.П. Победоносцева, затормозить дальнейшее развитие истории церкви как научно-исторической дисциплины было просто невозможно.

В конце XIX – начале XX века в творчестве некоторых историков стал наблюдаться процесс слияния тем, посвященных церковной истории, с темами общей истории России. Здесь можно отметить работы В.О. Ключевского, который успешно совмещал преподавание в уни-

верситете с педагогической деятельностью в Московской духовной академии и как ее профессор оставил богатое наследие своих исследований по истории церкви. В 1896 году выходит первым изданием, а потом многократно переиздается работа «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милокова. Вторая часть этой работы посвящена истории образования в России. Несмотря на то, что по своим мировоззренческим установкам Милоков был далек от сочувственного отношения к проблемам русской церковной истории, его работа содержит широкий статистический и фактический материал по истории церкви. История старообрядчества и сектанства показаны в четвертой главе второго тома. Церковно-исторической тематикой занимается петербургский профессор М.Д. Присёлков, который в 1913 году публикует монографию «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков», где была высказана довольно смелая гипотеза о принятии христианства не из Византии, а от Болгарского патриарха. Все эти работы были бы невозможны без глубокого знакомства авторов со всем объемом работ, оставленных церковными историками. Интерес к данной теме определялся тем обстоятельством, что для авторов этого периода история церкви неотделима от истории России.

Таким образом, историческая и церковно-историческая наука, возникнув в России в одно время и развиваясь параллельно, прошли длинный путь совместного развития и эволюции исторического знания. Они складывались и развивались в одних и тех же исторических условиях, черпали материалы из одних и тех же источников, сложили историографические комплексы, взаимодополняющие друг друга. Однако, несмотря на эти очевидные факты, русская историческая наука XIX – начала XX века постоянно подчеркивает свою «светскость», подчеркивает свою свободу от православной идеологии, что в кругах русской ученой интеллигенции считалось признаком объективного исследования исторического процесса. Как следствие, без должного внимания остался целый пласт исторических работ, обладающих исключительным своеобразием, весьма информативных и составляющих важную часть единого историографического комплекса отечественной истории.

Глава III. Богословско-догматической этап развития русской церковной истории. Историческая концепция в трудах историков русской церкви XVIII – середины XIX века. Эта часть исследования посвящена эволюции исторической концепции в трудах историков русской церкви. Прослежено развитие церковно-исторических представлений от стартовой, летописной традиции до исторических работ, оставленных историками церкви конца XIX века. Глава разделена на четыре

параграфа, которые позволяют конкретизировать концептуальные различия в трудах историков-клириков и светских представителей церковно-исторической науки, а также показать эволюцию исторической концепции в трудах русских историков церкви.

Особенностью провиденциального понимания истории являлось противопоставление земной жизни, в которой царит мирская суета, царству божью, в котором для праведников наступит вечное блаженство, установится полная гармония и человек станет бессмертным. Глубокий провиденциализм автора выражался в полной уверенности, что позитивный исторический процесс обеспечивается только божьей волей. В своих рассуждениях о добре и зле церковный историк ориентируется на их идеальные понятия, сформулированные догматическим богословием. Так, бог – это абсолютное добро, поэтому повествование о боге – это повествование о событиях, проникнутых его благостью. На этих повествованиях и строится сама христианская доктрина, поэтому сюжетная линия повествования не подвергается ревизии или критике.

Подобное понимание истории характерно для этапа ее становления, деятельное участие в котором принимают историки-клирики. Центральными фигурами в этом процессе выступают такие ученые-архиереи, как архиепископ Феофан (Прокопович), а также митрополиты Евгений (Болховитинов) и Платон (Левшин). Их трудами начинается богословско-догматический этап развития русской церковной историографии, формируется апологетическое направление церковной истории. Отличительной чертой этого направления становится некое противопоставление церковной истории всей существующей и предшествующей традиции светского исторического знания, которое превращается в бесплодную попытку изоляции церковно-исторической науки от светской, желание сформировать для церковной истории собственное, исключительное направление, которое стало бы эталоном для исторического писания в целом.

В XIX веке историография церкви получает свое развитие в трудах архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова). Им закладывается как фундамент церковно-исторических исследований в виде первых полномасштабных исторических произведений, так и концептуальные особенности русской церковной истории. В этих произведениях богословско-догматическое понимание провиденциализма получает самое яркое отражение. Работы закладывают новое, прагматическое направление церковно-исторических исследований. Испытав на себе глубокое влияние Н.М. Карамзина, авторы строят свое произведение по образцу его «Истории государства российско-го». Впервые церковные историки адресуют свое сочинение не только

клирикам, но и хотят познакомить с русской церковной историей всю читающую публику. Это приводит к тому, что церковная история уходит с того места, которое было предписано ей богословием, и обретает права самостоятельного предмета.

Это в свою очередь поставило перед наукой целый ряд задач, от решения которых зависело место, которое она займет в корпусе исторических дисциплин. Стремительное развитие светских исторических школ, происходившее в пятидесятые-шестидесятые годы XIX века, потребовало и от церковной истории соответствия передовым научным новациям. Богословско-догматическая историческая концепция и прагматическое направление истории, сформулированное Филаретом (Гумилевским), уже сказали свое слово и не могли устраивать профессионалов и любителей истории. Наступает кризис богословско-догматического понимания церковной истории. Ярче всего этот кризис проявился в «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова). Следствием его и стала вся противоречивость этого выдающегося исторического сочинения, завершившего этап богословско-догматического провиденциализма в русской церковной истории.

Попытку разрешения сложившегося кризиса можно увидеть в историософии А.В. Горского, которая подводит своеобразный итог развитию теоретической базы церковно-исторической науки в начале второй половины XIX века. Вклад Горского становится еще более актуальным, если учесть, что к этому периоду складывается целый комплекс исторических произведений, авторами которых стали историки-клирики. Их доминирование в это время в церковно-исторических исследованиях очевидно. Образ мысли этих историков находит свое воплощение в исторической концепции, которую можно охарактеризовать как богословско-догматическую.

Раскрывая этот термин, следует отметить, что в осмыслении истории историки-клирики придерживаются принципов, воплощенных в догматическом богословии, перенося многие его понятия на свое историческое исследование. Это стало результатом того, что перечисленные выше ученые, кроме своих исторических изысканий,⁴ вели плодотворную работу и как богословы, оставив после себя значительное теологическое наследие. Уже в силу этого факта их исторические исследования несут в себе глубокую богословскую направленность. Кроме этого, вырастая из древнерусской исторической традиции, в отличие от светской исторической науки, историки церкви всячески подчеркивали провиденциализм своих исследований. Все это приводит к тому, что, несмотря на следование церковно-исторической науки в общем русле

русской исторической школы, в работах историков-клириков сохранялось специфическое восприятие истории и исторического процесса, характерное для их произведений. Это историческое восприятие включало в себя теоретические богословские основы догматики и апологетики. Все это совокупно и определило ряд черт, характерных для русской церковной историографии.

Первое – история рассматривается как данность, как часть божественного домостроительства. Движущие силы исторического процесса целиком связаны с волей бога. Сущность исторического процесса – в борьбе добра в виде благодати божьей и зла, возникающего в результате божественного попустительства. Логика в действии этих взаимоисключающих начал непостижима. Таким образом, в историческом сюжете зачастую стираются грани между историей и легендой. В историческом повествовании находится место чуду. В подобном построении исторического изложения неизбежна глубокая назидательность, превращающая биографию в агиографию, исторический портрет в икону.

Второе – личность в историческом процессе становится связующим звеном между высшим началом и реальным историческим процессом, что позволяет божьему промыслу действовать через ее посредство. Следовательно, божий промысел воплощается в истории действием исторической личности, мотивы же действия определяются божьим провидением. В этом случае личность выступает как главный творец истории. Однако человек, неся в себе частицу бога, греховен, отсюда возникает сила инерции социальной среды, которая заставляет человека или целые социальные группы сопротивляться божественной благодати. В силу этого в обществе всегда будут присутствовать как праведники, так и грешники. В конфликте этих двух начал и будет развиваться человеческая история. Бог в разрешении этого конфликта не вмешивается, при его попустительстве зло может торжествовать. Тем самым в догматической концепции отдается должное как силе святого духа, так и могуществу греха. Православный историк, принимая человеческую природу как несовершенную, противопоставляет ей живую человеческую святость. Праведник, таким образом, становится путеводной звездой для заблудшего человечества и, совершая свой подвиг, указывает ему путь, способствуя общей гармонизации исторического процесса. Таким образом, в церковно-историческом произведении роль личности постоянно будет подчеркиваться автором, так как только на историческом фоне понятия греха и святости будут характеризовать процесс освящения церковью христианского мира, подчеркивая ее миссию в истории.

Третье – стабильность в обществе, сохранение традиции и устоев в церковно-историческом повествовании лежат на плечах государства и церкви. Церковные историки подчеркивают эту стабилизирующую миссию государства и власти. Государству отведена роль организующей силы, призванной объединять общество и защищать его от врагов внешних и внутренних. Миссию духовного окормления государства, выполняющего свой долг, берет на себя церковь. Таким образом, внутренние государственные отношения могут быть бесконфликтными только в том случае, если народ твердо следует идеалам православия. Историки-клирики видят русское государство как государство исключительно православное, подчеркивая идею богоизбранности русского народа. Этим обеспечивается подчеркнутый государственный патриотизм повествования, сущность которого раскрывается в невозможности признать тождественность исторического развития России и Европы и, следовательно, попрасть конфессиональные особенности православия. Для историков, являвшихся иерархами русской церкви, подобное было просто невозможно.

Четвертое – подобная трактовка понятия государства опиралась на своеобразное понимание русского общества как такового. Для церковного историка-клирика русское общество – прежде всего, общество православное и, как следствие, лишённое противоречий. Укоренившиеся же в обществе пороки могут быть излечены церковью в проповеди истинного христианского учения. Кроме того, общество рассматривается как совокупность отдельных личностей. Это и дает историку церкви право предполагать, что, несмотря на греховность отдельных его представителей и даже целых социальных слоев, русское общество в целом непогрешимо. В борьбе греха и добродетели общество совершенствуется. Борясь с пороком и развивая в себе духовные силы, общество движется по пути прогресса. Это в свою очередь должно создавать в обществе понимание, что даже самые негативные явления в исторической жизни имеют в конечном итоге положительное содержание, так как подчинены божьей воле, которая не может нести зло.

Пятое – методологически в церковно-историческом произведении историка-клирика будет преобладать прагматический метод. Подобный взгляд на историю следовал из опыта всей предшествующей и современной им русской историографии и соответствовал духу государственной исторической школы. Как следствие, в историческом произведении будет наблюдаться особое внимание к политической истории и истории государственной личности. Кроме этого, будет присутствовать глубокая назидательность исторического повествования, опираю-

шаяся на весь опыт церковной апологетики и примитивный историзм, выражающийся в хронологическом сцеплении исторических событий. В XIX веке развитие церковно-исторической науки обогащает церковного историка генетическим методом и, соответственно, более глубоким пониманием историзма, выразившимся в попытках анализировать условия взаимоформирования факторов, складывающихся исторический процесс. Однако, в любом случае, историзм историка-клирика будет отличать, прежде всего, уверенность в богоучрежденности хода исторических событий, а внутренним двигателем православного историзма будет являться осознание церкви как святыни, воплощающейся в истории.

Первоначальному прагматическому историческому методу соответствовало и своеобразное понимание исторической критики. В рассмотренных работах критика как метод познания, через который познается исторический процесс, по преимуществу сведена до минимума и не простирается далее замечаний по поводу значимости или прочтения тех или иных исторических источников и мнений, высказанных об историческом факте. Подобное понимание критики как метода связано с традицией современной им экзегетики, где критика догматических основ богословия была просто невозможна. Природа исторического явления всегда оставляла открытым вопрос о боговдохновенности или естественности исторических событий, а это сводило критический метод в работах историков церкви до своеобразного минимума, однако критика как таковая не исключалась.

Церковный историк, оперируя понятием священного предания, отдает себе отчет, что, за исключением догматических основ, оно не мыслится как непогрешимое, так как предание церкви включено в общий поток историй, где истина и ложь переплетены. Отдавая должное тем оценочным критериям, которые выработало богословие, историк очищает предание, используя для этого все доступные ему приемы исторического исследования, включая критику. Когда в истории говорится о факте или событии, доступном человеческому опыту, то это становится предметом не только веры, но и знания. Расширяя это знание, историк-богослов может подвергать анализу историческую информацию, классифицировать и интерпретировать факты. Следовательно, церковно-историческая наука в вещах познаваемых опытно использует ту же логику и те же методы, что и историческая наука вообще. Признание исторического процесса частью божественного домостроительства не заставляет историка отказываться от исторического познания. Расширяя свои знания о прошлом, церковный историк расширяет знания о

божественном откровении, воплощенном в историческом процессе. Зачастую намеренно оставляя за бортом своего исследования анализ движущих сил исторического процесса, историк-клирик стремится к объективности через собирание мельчайших частиц прошлого, в которых он видит составляющие божественного присутствия в истории. Это придает церковно-историческому произведению объективность и историческую полноту. Богословский провиденциализм ставил перед историей задачу не познания сути, а собирания исторического процесса. Этой задаче и подчиняется церковная историография, основополагающие принципы которой соответствовали принципам современной ей исторической науки.

Глава IV. Рационально-просветительский этап в развитии русской церковно-исторической науки. Концептуальные особенности исторического знания в трудах светских историков церкви во второй половине XIX века. Глава посвящена концептуальным особенностям исторического знания у светских историков церкви, сложивших в XIX веке альтернативное видение русской церковной истории. Глава разделена на три параграфа, последовательно раскрывающих заявленную тему.

Несмотря на всю богословскую выверенность, старые концептуальные построения исторического знания не смогли удовлетворить потребностей читающей публики уже в первой половине XIX века. В этой культурной ситуации появляются церковно-исторические произведения, написанные историками, не связанными с клиром. Во многом стихийно, повторяя исторические взгляды русских историков-клириков, они, тем не менее, приходят к своему, особенному, видению русской церковной истории. Эта попытка сформировала целое направление в русской церковной истории, которое пыталось, используя старые методы, по-новому взглянуть на предмет своего исследования.

Первопроходцами в этом деле становятся А.Н. Муравьев и М.В. Толстой. Несмотря на весьма скромную научную значимость этих работ, у данных произведений существует бесспорная историографическая ценность. Авторы, во многом стихийно, приходят к весьма своеобразной исторической периодизации, элементы которой будут востребованы и получат свое развитие в работах Е.Е. Голубинского в XIX и А.В. Карташева в XX веке. История церкви раскрывается в их работах через историю церковной иерархии, то есть как сумма поступков исторических личностей. Но если Муравьев связывает историческое развитие русской церкви исключительно с личностями ее предстоятелей, то Толстой вводит в свое повествование обширную «житийную» литера-

туру, посвященную совершенно разным по социальному статусу историческим персонажам. Это, в свою очередь, расширяет круг лиц, вовлеченных в процесс складывания церковной истории на каждом конкретном этапе. Таким образом, можно говорить о желании автора показать в истории церкви не только деятельность клира, но и вклад в этот процесс мирян.

Кроме этого, отличительной чертой произведений как Муравьева, так и Толстого является отсутствие в них рассуждений о божественном промысле как о движущей силе исторического процесса. Провиденциализм этих историков бесспорен, но в отличие от историков-клириков, сознательно подчеркивающих роль «десницы божьей» в переломные моменты истории, они опускают подобную констатацию. В работах этих историков была сделана еще одна попытка реанимировать прагматическое направление церковно-исторических исследований, вдохнуть новую жизнь в богословско-догматическое понимание истории.

Эпоха великих реформ шестидесятых годов XIX века вызывает к жизни новое поколение историков церкви, которое все дальше и дальше уходит от канонов богословско-догматической исторической концепции. Церковная история нуждалась в новых оценочных характеристиках, построенных на новых методологических принципах. Решению этой задачи противодействовала сумма представлений о церковной истории, сформировавшаяся в этот период. Однако именно этот факт и вызывает к жизни попытку переосмысления до этого незыблемых канонов церковной истории. Тем самым формируется новое рационально-просветительское направление церковно-исторической науки. Наиболее ярко это направление нашло свое отражение в работе П.В. Знаменского и его последователей П.И. Малицкого и А.П. Доброклонского, авторов учебных курсов по истории русской церкви. При всей неоднозначности подходов к решению этой задачи, она была реализована на практике и породила историографическое наследие с рядом характерных для него черт.

Первое – историографически это первая попытка, не изменив классической схемы церковной истории, не отступая от старых принципов исторической периодизации, во многом сохраняя старый апологетический стиль изложения, привести читателя к новым, соответствующим эпохе выводам. Особенно характерна эта черта для «Руководства...» П.В. Знаменского. Подобное же намерение, хотя и в менее выраженной форме, прослеживается и в работах П.И. Малицкого и А.П. Доброклонского. П.В. Знаменский попытался, не отступая от канона церковно-исто-

рического сочинения, заменить его апологетическую составляющую на научно-оценочную. Не разрывая связь с церковно-историческим провиденциализмом, Знаменский уходит от его ортодоксального понимания и уводит за собой церковно-историческую науку, которая под его пером начинает разрывать связи с богословием. В исторической концепции П.В.Знаменского явно видна девиация от провиденциализма богословского к провиденциализму философскому. Это находит свое подтверждение в сближении автора с философскими позициями славянофилов и в движении к церковному обновлению.

Как результат, следующим за Знаменским авторам, при всей их нарочитой «церковности», пришлось считаться не только со старыми, но и с новыми тенденциями в написании церковно-исторических сочинений. Для Малицкого и Доброклонского образцом сочинения становится не столько классическая «История русской церкви» Филарета (Гумилевского), сколько сочинение П.В.Знаменского. Даже Малицкий, сочинение которого представляет бесспорный шаг назад по сравнению с работой предшественника, не смог полностью вернуться к апологетике Гумилевского. Доброклонский же и не пытается спорить с логикой Знаменского. Принимая его видение церковной истории, он просто уходит от некоторых выводов, смысл которых кажется ему не бесспорным.

Второе – представленные «Руководства...» представляют собой первую попытку дать историографический анализ церковно-исторической литературы, появившейся в России в XIX веке. Авторами была сделана попытка, пока еще на примитивном библиографическом уровне, дать характеристику историческим сочинениям своих предшественников. С одной стороны, эту работу можно считать началом нового этапа русской церковно-исторической науки, этапа историографического осмысления пути, пройденного церковной историей. С другой стороны, во второй половине XIX века историографический материал в исторической науке становится ведущим источником информации, что заставляет исследователей выходить на иной, более высокий уровень научных обобщений.

Третье – впервые в церковной истории на место божественного промысла приходит понятие причины для обоснования и подтверждения фактов исторического процесса. Это было прямое следование за светской исторической наукой. Впервые отмеченная Знаменским причинность церковно-исторических сюжетов изгоняет из исторического повествования одномерность богословско-провиденциального взгляда на исторические события как изначально предопределенные свыше.

Выделение объективных и субъективных факторов, влияющих на историю, в конечном итоге приводит историка к необходимости проследить их действие в историческом эпизоде, то есть подчеркивать многофакторность исторического процесса. Это, в свою очередь, заставляло исследователя прибегать к историческому синтезу, делать соответствующие обобщения, подводить итоги, что повышало научно-аналитическое содержание работы. Церковная история, вслед за светской, начинает освобождаться от прагматически-назидательных концептуальных приемов с яркой апологетической направленностью, что делает ее более научной, соответствующей духу эпохи.

Анализ причин становится обязательным элементом исторического сочинения. Последователи Знаменского уже не могут их игнорировать. Налицо еще один факт разрыва церковно-исторической науки с наследием историков-клириков. В текстах представленных учебных пособий отсутствуют даже упоминания о вмешательстве божественных сил в историю. Научное знание о церковной истории начинает тем самым обособляться от богословия. Церковно-историческая наука все более и более смыкается со светской историей, принимая ее научно-исторические взгляды, концепции и методологию.

Четвертое – методологически представленные выше работы значительно отличаются от исторических произведений предшественников. Отмеченная причинность событий заставляет ученых искать объяснения во внутренней сущности самого исторического явления. Так как для раскрытия этой сути зачастую не хватает конкретного источникового материала, историк прибегает к гипотетическим построениям, в которых на основании старых данных синтезирует новые исторические представления. Наиболее ярко эти методологические основы были видны в работе П.В.Знаменского. Тем самым открывается новое, более прогрессивное направление церковно-исторических исследований, главной целью которого становится приближение истории церкви как предмета к русской исторической науке в целом.

Историографически, приведенные выше руководства представляют собой пример того обновления церковно-исторической науки, которое происходит в семидесятые – восьмидесятые годы XIX века. Несмотря на всю каноничность форм, которым подчинялась учебная литература, авторы пытаются воплощать в ней самые смелые свои замыслы. Авторам в их работах, с разной степенью реализации намеченного, удалось, не меняя внешних форм, сложившегося историографического канона, изменить его внутреннюю, понятийную часть.

Глава V. Научно-позитивистский этап в развитии русской церковной истории. «История Русской Церкви» Е.Е. Голубинского как знаковое явление в русской церковной историографии второй половины XIX века. Глава посвящена детальному исследованию «Истории Русской Церкви» Е.Е. Голубинского. Работа уникальна тем, что, собрав воедино все представления о церковной истории, подвергнув их беспощадной критике, автор создает историческое произведение, покончившее с замкнутостью и самодостаточностью церковной историографии. Специфика этого произведения последовательно разобрана в четырех параграфах данной главы.

К началу пятидесятих годов XIX века в европейской культуре сложился новый интеллектуальный климат. Философский рационализм, проникший в русское научное сообщество вместе со ставшими популярными в начале XIX века идеями Г. Гегеля, увидел в развитии общественной жизни историческую закономерность и полагал, что она может быть познана. Идея познанной закономерности в развитии общества воплощается в исторической концепции «органического развития», основы которой С.М. Соловьев озвучивает в работе «Наблюдения над исторической жизнью народов». В этой работе Соловьеву удается совместить идеи гегельянского рационализма с новым философским взглядом на исторический процесс – позитивизмом. В дискуссии с Г.Т. Боклем рождалась историческая концепция, положенная в дальнейшем в основу исторических изысканий С.М. Соловьева.

Голубинский близко воспринимает основные черты этих исторических положений. Практически дословно воспроизведенные в тексте его работы основные тезисы работы Соловьева становятся основополагающими в сочинении церковного историка. Обозначив их во введении, он возвращается к ним неоднократно в самом тексте своей «Истории...», когда речь заходит о механизмах общественного развития, но слепо им не следует. Рационализм Голубинского стоит ближе к идеям нарождающегося позитивизма, чем к гегельянству С.М. Соловьева. Отсюда более глубокая социологизация исторических явлений. Если Соловьев видит государство только как отражение общественной жизни, то для Голубинского оно является продуктом общественного развития социального «организма» и вырастает внутри него как следствие его созревания. Процесс этого созревания одинаков как для Руси, так и для стран Западной Европы. Уже один этот тезис ставит сочинение вне стандартного ряда исторических сочинений, но автор идет дальше, представляя и церковь как социальную институцию, служащую обществу и имеющую в нем свою «цель и назначение». Это был не просто разрыв

со старой историко-богословской традицией церковно-исторической школы, это был шаг вперед в понимании общественного развития в исторической науке вообще.

Навлекая на себя обвинения в излишней публицистичности повествования, автор следует принципу научности, зачастую в ущерб литературности изложения. Вместо историка в работе должен говорить исторический источник, считает он. Миссия историка состоит в том, чтобы очистить источник от легенд и домыслов, заставив звучать только объективную, «чистую» информацию. Историк не вправе оперировать смыслом истории, считает Голубинский, объективная наука требует только выверенного исторического знания, стоящего на фундаменте точнейшего источникового анализа. Следствием этого становится экономия автора на предположениях и явный уход от выводов. Преподнести читателю исторический факт, а не навязать свое мнение об этом факте – подобные тенденции хорошо прослеживаются в работе и, в свою очередь, еще раз подчеркивают позитивистский характер представленной работы.

В итоге следует объяснить, почему столь серьезный исторический прорыв, совершенный Голубинским в концептуальных положениях церковно-исторического исследования, был оставлен современниками и последующими критиками его творчества без внимания. Суть этого явления можно объяснить некой схожестью требований, предъявляемых к историческому факту богословско-догматической и позитивистской исторической концепциями. Желание сохранить и каталогизировать каждое проявление промысла божия как части исторического прошлого изначально легло в основу богословского понимания истории. Отсюда трепетное отношение к любому, даже самому надуманному историческому свидетельству. Тем не менее, этот бесспорный минус с лихвой окупался широчайшим источниковедческим кругозором, свойственным церковным авторам. Как следствие, любовь к историческому факту, изложенному в источнике, была краеугольным камнем церковной истории. Поэтому читатели Голубинского не были удивлены объемом представленной им источниковой информации, качеством переводов с древних языков в привлеченных иностранных свидетельствах. Это было традиционно для церковно-исторической школы. Не заметили они и нового взгляда на эволюцию общества. Голубинский, возможно, намеренно не афиширует своих взглядов на причины общественного развития, а в большей степени их скрывает. Да и сами причины, порождающие социальный организм и заставляющие его развиваться, для него остаются загадкой, разрешить которую Голубинский и не пытается. Таким образом, если историк-клирик отказывался анализировать исторический

процесс, так как он был частью непознаваемого промысла божьего, то историк-позитивист Голубинский ушел от того же по ненаучности абстрактного теоретизирования, не опирающегося на исторические свидетельства. Следует заметить, что подобный подход, возможно, минимизировал и моральные противоречия у Голубинского как у глубоко верующего человека. В силу концептуальных особенностей, позитивизм не предполагал коренного пересмотра мировоззренческих позиций автора. Являясь по философской сути идеализмом, позитивизм стал органическим продолжением «логического провиденциализма» идей Канта, Шеллинга и Гегеля, которыми была увлечена подавляющая часть читающего российского общества второй половины XIX века. Как следствие, концептуальная новизна работы осталась в тени разоблачительного историкокультурологического анализа, который так ошеломил читателей. Таким образом, за частным было пропущено общее, а историк Е.Е. Голубинский вошел в церковную историографию только как беспощадный критик и разрушитель устоев.

В **Заключении** подведен научный итог работы, сформулированы основные выводы диссертационного сочинения.

Процесс складывания русской церковно-исторической школы начинается с начала XVIII века. Этого требовала историческая эпоха, изобилующая богословскими спорами как внутри России, так и за ее пределами. Эпоха Петра I становится началом исторических исследований как светского, так и церковного содержания и открывает первый этап развития русской церковной истории, который можно охарактеризовать как богословско-догматический.

Русская историческая наука этого периода прирастает первыми историческими сочинениями, вершиной которых становится работа В.Н.Татищева – самого яркого выходца из среды «птенцов гнезда Петрова», основоположника русской исторической науки. Светское историческое знание XVIII века обогащается как работами иностранцев Г.З. Байера, Г.М. Миллера, Ф.Г. Штрубе де Пирмонта, А.Л. Шлецера, так и трудами русских историков М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина. Церковно-исторические исследования этого периода получают свое развитие в работах преподавателя Александро-Невской семинарии Никодима (Адама Бурхарда Селия), московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского). Работы архиепископа Дамаскина (Семенов-Руднева) закладывают основы хронологической систематики и дают первую периодизацию русской культуры. Однако научно-исследовательский уровень этих работ в силу объективных причин был значительно ниже. Трудами Дамаскина, а также митрополитов Самуила

(Миславского) и Платона (Левшина) в эпоху Екатерины II реформируется система русского духовного образования. Это позволяет преодолеть отставание церковно-исторической науки от светского исторического знания. В историческом творчестве церковных историков этого этапа формируется форма осмысления истории как таковой, воплотившаяся в богословско-догматическом провиденциализме. Ярче всего это понимание истории нашло свое отражение в творчестве митрополита Платона (Левшина), сформировавшего апологетическое направление русской церковной истории.

Методологически историк этого времени видит историю как цепь взаимосвязанных исторических фактов. Связь фактов осуществляется механически, повествование строится на хронологическом принципе и представляет собой каталогизацию исторической информации. Расширение исторического знания – это не анализ или критика, а добывание новой информации и включение ее в историческое повествование. Как следствие, на первый план в доказательстве правоты автора выступает не теоретическая, а практическая часть исследования. Подобное понимание истории строится на объектном стиле мышления; исторический факт в этом случае познается сам по себе, безотносительно. Исторический процесс представляется историку как механическое сцепление фактов друг с другом. Следовательно, собирание фактов истории – это познание сущности самого механизма, то есть исторического процесса. Каталогизация материала заставляет историка взглянуть на определенные закономерности исторического процесса, а это при механическом взгляде на историю приводит исследователя к примитивному анализу. Анализ в данном случае заключается в механическом разделении исторического процесса на составные части. Следствием этого становятся первые попытки исторической периодизации. Подобная механическая парадигма исторического знания XVIII века подчиняется жестким принципам детерминизма, где на первый план выходит исследование самого механизма, а не тех сил, которые приводят его в движение. Поэтому использование в данной схеме бога как основы движения закономерно.

Прагматическая историческая концепция, которой придерживаются светские историки XVIII – начала XIX столетия, легко укладывается в каноны церковно-исторической науки. История распадается на бесконечную череду сюжетов положительной или отрицательной направленности. Для церковного историка положительный исторический пример свидетельствует о присутствии бога в творимой сущности, отрицательный пример – о божественном попусшении. Особенно отчетливо эта схема проявляется в исторических сочинениях архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова).

Светская историческая наука в первой половине XIX века обогащается трудами таких ученых, как Г. Эверс, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, М.Т. Каченовский, М.П. Погодин. Церковно-историческая школа этого периода характеризуется работами архиепископа Филарета (Гумилевского), митрополита Московского Макария (Булгакова). Работы этих авторов заложили основы научной трактовки истории церкви, наполнив ее фактическим материалом и связав части обоснованной периодизацией. Эти работы стали образцами последующих исторических произведений, во многом сформировали научные взгляды последователей и тем самым стали основой русской церковно-исторической школы. Труды этих историков-архиереев начинают формироваться облик русской церковной истории. Закладываются основы богословско-догматической концепции исторического знания. Оформляется первый этап развития русской церковно-исторической науки. Тем не менее, в этих работах ярче всего проявляются те кризисные явления, которые назревают в русской церковной истории. Стремительное развитие светских исторических школ, происшедшее в первой половине XIX века, потребовало и от церковной истории соответствия передовым научным новациям. Подобное положение дел приводит церковную историю к концептуальному кризису, развитие которого приходится на 50–60-е годы XIX века и ярче всего проявляется в фундаментальной «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова).

Новая философия XIX века вносит изменения и в историческую мысль. Наступает эпоха «логического провиденциализма», воплотившаяся в философии Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, где мир становится реализацией некоего разумного плана «идеи». Подобное понимание не отвергает сущность бога как таковую, но стремится проверить ее с помощью рационального размышления. Кроме этого, привнесенная в философию диалектика Гегеля делает истину не собранием голых догматических положений, а заставляет человека размышлять над их сущностью. В исторической науке гегельянство воплощается в изучении исторического процесса как развития, которое подчинено историческим закономерностям, подчеркивающим преемственность и неразрывность исторического процесса.

Церковно-историческая наука не могла принять подобных философских положений. Продолжая оставаться в рамках старого богословско-догматического понимания, история церкви как наука углубляется за счет внутреннего расширения собственных концептуальных положений. Их развитие нашло свое отражение в историософии А.В. Горского и воплотилось в своеобразном церковно-догматическом историзме.

Однако даже подобные новации не смогли вдохнуть новую жизнь в старое богословско-догматическое понимание истории. Прогрессивная в начале XIX века «История...» Н.М.Карамзина сделала историческое писание понятным, придала ему практическую цель. Следствием подобных тенденций становятся первые попытки осветить историю русской церкви со стороны светских авторов. Отличительной чертой их произведений стало отсутствие в них рассуждений о божественном промысле. В работах А.Н. Муравьева и М.В. Толстого бога заменили иерархи церкви. В работах этих историков ярко видна тенденция обновления прагматического направления церковной истории, заложенного архиепископом Филаретом (Гумилевским). Во многом стихийно, повторяя исторические взгляды русских историков-клириков, они, тем не менее, приходят к своему, особенному, видению русской церковной истории. Эта попытка сформировала некое направление в русской церковной истории, которое пыталось, используя старые методы, по-новому взглянуть на предмет своего исследования.

Следующая страница комплекса церковной историографии была перевернута в «Руководствах по истории русской церкви» П.В. Знаменского, А.П. Доброклонского и П.И. Малицкого. Эти исторические работы открывают новый рационально-просветительский этап развития русской церковной истории. Сама эпоха шестидесятых годов XIX века, в которую эти ученые складываются как историки, способствовала накоплению новых идей. В этой уникальной культурно-исторической ситуации, характеризующейся высоким полемическим накалом и разнополярностью мнений, формируется П.В. Знаменский как историк-исследователь, складывается его видение истории, во многом эклектичное, но новое и яркое, где в одно целое переплетаются идеи русского славянофильства и гегельянства. Именно его «Руководство к церковной истории» становится примером нового изложения истории русской церкви. Прежде всего, Знаменский вводит понятие объективных причин, объясняющих общественное развитие. Из истории Знаменского исчезает сакральность церкви как «тела Христова». Церковь функционирует внутри социума, порождая своими действиями одни общественные явления и получая в ответ другие. Представления Знаменского отдаленно напоминают мировоззренческие позиции русских историков-гегельянцев с их концепцией идеального государства. Но если у К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина роль основного регулятора общественных отношений отведена государству, то Знаменский приписывает эту роль церкви. Однако на этом исследователь не останавливается и идет дальше. Формируясь как историк в эпоху шестидесятых годов XIX века,

он, безусловно, испытывал на себе научное влияние С.М. Соловьева, в трудах которого уже видна идейная девиация от гегельянства к нарождающейся философской доктрине позитивизма. Это придало исторической концепции П.В. Знаменского своеобразную эклектичность, выразившуюся в разрешении вопроса общественного развития через социальную эволюцию, основанную на психологии народной жизни. Это, в свою очередь, сближало его понимание общественного развития с теоретическими установками работ К.Н. Бестужева-Рюмина. Тем самым формируется новое, более прогрессивное, направление церковно-исторических исследований, главной целью которого становится приближение истории церкви как предмета к русской исторической науке в целом. Основанное на фундаменте философского идеализма, рационально-просветительского направление русской церковной истории начинает формировать предпосылки для полного разрыва церковно-исторической науки с богословием.

Последователи Знаменского, при всей неоднозначности своих научно-концептуальных позиций, так или иначе придерживаются новых принципов построения исторического исследования. Даже в «Руководстве...» Малицкого, при всей общей слабости этого произведения, виден шаг вперед по сравнению с работами историков-клириков.

Историографически приведенные выше руководства представляют собой пример того обновления церковно-исторической науки, которое происходит в семидесятых – восьмидесятых годах XIX века. Несмотря на всю каноничность форм, которым подчинялась учебная литература, авторы пытаются воплощать в ней самые смелые свои замыслы. Авторам в их работах с разной степенью реализации намеченного удалось, не меняя внешних форм сложившегося историографического канона, изменить его внутреннюю, понятийную часть.

Подобные мировоззренческие изменения были неизбежны. Идею придания истории статуса точной науки сформулировал на склоне своей творческой жизни еще Т.Н. Грановский, выдвинув тезис о том, что история должна заимствовать метод у естественных наук и в этих целях даже отказаться от притязаний на художественную форму своего изложения. Эта идея получает свое окончательное развитие в работах его последователей В.И. Герье и И.В. Лучицкого. Тем самым формируется новая концепция исторического знания, которая надолго сохраняет в науке прочные позиции и дает в своих версиях весьма впечатляющие результаты. Так или иначе теоретические основы позитивизма воплотились в творчестве таких крупных российских историков, как В.О. Ключевский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, Н.П. Павлов-Сильванский.

Церковно-историческая наука этого периода, естественно, не могла похвастаться такой многочисленной когортой исследователей, тем не менее, идеи позитивизма начинают проникать и в ее лоно. Ярким представителем этого теоретического направления становится Е.Е. Голубинский. Его «История русской церкви» открывает новый этап в развитии русской церковной истории, которая окончательно отрывается от богословской основы и становится самостоятельной частью исторического знания. В исторической концепции Голубинского четко прослеживается социологизация исторических явлений. Эта историческая новация будет пронесена автором через все сочинение. Прежде всего, она определит основы исторической периодизации истории русской церкви, где эволюция церковной иерархии будет подчинена этапам общественного и государственного развития. Это в свою очередь определит и основные принципы изложения исторического материала. В отличие от предшественников Голубинский в своей «Истории» показывает вызревание христианства в русской среде, проводя своего читателя через всю историю развития христианского мировоззрения на Руси. Начиная от первых упоминаний этого явления в источниках до первых адептов и, наконец, до полного и окончательного утверждения его как религии государства, везде он рисует картину постепенного его прорастания сквозь почву русской действительности. Раскрывая эту закономерность, автор показывает эволюцию общества через процесс самоорганизации, приводящий его сначала к оформлению государственных институтов, а потом к появлению церкви. Все эти концептуальные новации привели русскую церковно-историческую науку в лице Голубинского на передний край научных исследований того времени и позволили минимизировать разрыв между русской светской и церковной историей.

Таким образом, историческая и церковно-историческая наука возникают в России в одно время. Они проходят длинный путь совместного развития, долгое время опираются на одни и те же концептуальные построения, прибегают к одним и тем же источникам, в результате складываются комплексы, взаимодополняющие друг друга. Тем не менее, несмотря на эти очевидные факты, русская историческая школа с середины XIX века начинает активно подчеркивать свою «светскость», находя в свободе от православной идеологии основу для объективного исследования исторического процесса. Как следствие, сложились объективные причины разрыва, в основу которого были положены, прежде всего, идеологические расхождения, которые привели к тому, что без должного внимания остался целый пласт исторических работ, обладающих исследовательским своеобразием, информативностью, составляющих неизученную страницу отечественной историографии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография:

Солнцев, Н.И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков : [монография] / Н.И. Солнцев ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Новгород : Изд-во ННГУ, 2005. – 197 с. : ил.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Солнцев, Н.И. Митрополит Евгений (Болховитинов) как историк / Н.И. Солнцев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «История». – 2002. – Вып. 1. – С. 151–157.

2. Солнцев, Н.И. Историческая концепция архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского) в работе «История русской церкви» / Н. И. Солнцев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «История». – 2003. – Вып. 1 (2). – С. 154–161.

3. Солнцев, Н.И. Понимание истории в богословской историографической традиции XVIII в. По историческим сочинениям митрополитов Евгения (Болховитинова) и Платона (Левшина) / Н.И. Солнцев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «История». – 2004. – Вып. 1 (3). – С. 145–152.

4. Солнцев, Н.И. Историографическое значение «Истории российской церкви» А.Н. Муравьева / Н.И. Солнцев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «История». – 2006. – Вып. 1 (5). – С. 152–163.

5. Солнцев, Н.И. Понимание церкви как объекта исследования в работе «История русской церкви» Е. Е. Голубинского / Н.И. Солнцев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История, политология, экономика». – 2008. – Вып. 7, № 5 (45). – С. 81–86.

6. Солнцев, Н.И. Вопросы периодизации истории русской церкви / Н.И. Солнцев // Вопросы истории. – 2009. – № 1. – С. 164–168.

7. Солнцев, Н.И. «Историческое изображение Грузии» митрополита Евгения (Болховитинова) как опыт исторической публицистики / Н.И. Солнцев // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «История». – 2009. – № 1 (32). – С. 94–97.

Публикации в других изданиях:

1. Солнцев, Н. И. Место работ историков русской православной церкви XIX века в комплексе исторической литературы / Н. И. Солнцев // История России XIX–XX вв. : историография, источниковедение : материалы межвуз. науч.-практ. конф., 28–29 нояб. 2002 г. / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н. Новгород, 2002. – С. 85–87.

2. Солнцев, Н. И. Епископ Нижегородский Дамаскин как историк и библиограф / Н. И. Солнцев // Нижегородские исследования по краеведению и археологии : сб. науч. и метод. ст. – Н. Новгород, 2004. – С. 152–156.

3. Солнцев, Н. И. Развитие провиденциальной исторической концепции в исторической периодизации истории русской православной церкви Н. П. Гилярова-Платонова / Н. И. Солнцев // Век XX : историография, источниковедение, региональная история России : сб. науч. тр. / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н. Новгород, 2004. – С. 88–97.

4. Солнцев, Н. И. Митрополит Московский Платон – историк и просветитель / Н. И. Солнцев // Лествица : материалы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии, памяти проф. В. П. Макарихина. – Н. Новгород, 2005. – С. 171–177.

5. Солнцев, Н. И. Историк русской церкви – академик Е. Е. Голубинский / Н. И. Солнцев // Мининские чтения : материалы науч. конф., 29–30 окт. 2004 г. / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2005. – С. 314–323.

6. Солнцев, Н. И. «Рассказы по истории русской церкви» М. В. Толстого в церковной историографии / Н. И. Солнцев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2007. – С. 192–200.

Подписано в печать 21.05.09. Формат 60х90/16.

Печать трафаретная. Объем 2,5 печ. Л. Тираж 100 экз. Заказ № 208

Отпечатано в полиграфическом центре государственного образовательного
учреждения высшего профильного образования «Нижегородский
государственный архитектурно-строительный университет»

603950, Н. Новгород, Ильинская, 65